

Умственное оживленіе русскаго общества, наступившее тотчасъ послѣ окончанія Крымской войны, не преминуло ярко отразиться и на разработкѣ русской исторіи. Ограниченная до того въ своихъ изслѣдованіяхъ почти однимъ только древнѣйшимъ періодомъ нашей исторіи, русская исторіографія съ жаромъ взялась за изученіе фактовъ и эпохъ, еще недавно заповѣдныхъ. Появился цѣлый рядъ капитальнѣйшихъ работъ по исторіи XVII, XVIII и XIX вѣка, потому именно и капитальныхъ, что онѣ могли быть выполнены по всѣмъ правиламъ свободной исторической критики.

Но далеко не однимъ только XVII, XVIII и XIX вѣкомъ ограничилось оживленіе нашей исторіографіи. Рядомъ съ разработкою исторіи этихъ вѣковъ, прежде почти недоступныхъ сколько-нибудь серьезному научному изученію, шла дѣятельная разработка исторіи древняго и средняго періода нашей государственной жизни, шло изданіе лѣтописей и памятниковъ древней письменности и шли архивныя изысканія всякаго рода, проливавшія новый свѣтъ на государственныя и общественныя отношенія древней Руси.

Въ результатѣ всего этого явилось небывалое развитіе русской исторической литературы послѣднихъ тридцати лѣтъ. Нѣкоторое понятіе о немъ можетъ дать читателю тотъ фактъ, что составленный г. Межовымъ голый *перечень* статей по исторіи, появившихся въ *однихъ только періодическихъ изданіяхъ* и за одно только десятилѣтіе 1865—75 обнимаетъ собою *пять* томовъ убористой печати по 500 страницъ каждый.

Присматриваясь къ отдѣльнымъ отраслямъ только-что указаннаго исторіографическаго богатства, нетрудно замѣтить, что изученіе исторіи русской литературы занимаетъ въ немъ весьма

видное мѣсто. Много, очень много сдѣлано за послѣднія три десятилѣтія для ознакомленія съ судьбами нашей письменности, какъ древней, такъ и новой. Издававшіяся въ концѣ 1850 гг. «Лѣтописи русской литературы» Тихонравова и «Библиографическія записки» Полуденскаго, возобновленныя въ 1858 г. подъ прежней искусной редакціею Бодянскаго «Чтенія Московскаго Общества Древностей и Исторіи», основанный П. И. Бартевымъ въ 1863 г. «Русскій Архивъ», выходящая съ 1870 г. «Русская Старина», М. И. Семевскаго «Древняя и Новая Россія» Шубинскаго (1875 — 1880), имъ-же редактируемый съ 1880 г. «Историческій Вѣстникъ», получившія за послѣднія десятилѣтія особое развитіе «Извѣстія» Кіевскаго, Казанскаго, Варшавскаго и Одесскаго университетовъ, ставшія гораздо болѣе объемистыми «Записки» Академіи Наукъ, возникшіе за послѣднее тридцатилѣтіе серьезные духовные журналы — «Православный Собесѣдникъ», «Православное Обзорѣніе», «Труды Кіев. Дух. Акад.», «Странникъ», не только удѣляющіе очень много мѣста изслѣдованіямъ о духовной литературѣ, но даже цѣликомъ печатающіе весьма важные памятники нашей древней письменности, какъ напр. «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго, сочиненія Максима Грека, «Мечеть Духовный» братьевъ Лихудовъ, «Проскинитарій» Арсенія Суханова и т. д., «Извѣстія» и «Труды» петербургскаго и московскаго археологическихъ обществъ, «Труды» археологическихъ съѣздовъ, 35 томовъ «Сборника Историческаго Общества», изданные «Обществомъ древней письменности» болѣе 100 памятниковъ до и послѣ-петровской литературы, наконецъ неустанная дѣятельность археографическихъ комиссій, наряду съ лѣтописями, государственными грамотами, юридическими актами и писцовыми книгами издающія и вещи чисто-литературнаго значенія, какъ напр. «Хожденіе» игумена Даніила или путешествіе архіепископа Антонія въ Царьградъ и разныя полемическія сочиненія противъ латинства — вся эта обширная литература первоисточниковъ и изслѣдованій, которую мы очертили только въ

самыхъ основныхъ ея контурахъ даетъ въ распоряженіе современнаго изслѣдователя русской литературы такой обширный матеріаль, который часто бываетъ затруднительно исчерпать во всей его полнотѣ. Присоедините къ перечисленному общіе журналы, изъ которыхъ большинство во второй половинѣ 50-хъ годовъ помѣщали очень много статей по исторіи вообще и по исторіи литературы въ частности, присоедините основанный въ 1866 г. «Вѣстникъ Европы», такъ и именующій себя въ отличіе отъ другихъ «литературно-политическихъ» журналовъ, журналомъ «*исторіи*-политики-литературы» и помѣщающій множество статей историко-литературнаго содержанія, изъ которыхъ однѣ только статьи А. Н. Пыпина, почти всѣ посвященныя исторіи русской литературы, даютъ изслѣдователю цѣлый рядъ превосходныхъ монографій, присоедините получившій необыкновенное развитіе въ нашихъ журналахъ и газетахъ послѣдняго тридцатилѣтія отдѣлъ литературной критики, представляющій собою чрезвычайно цѣнное пособіе при изученіи новѣйшей русской литературы, присоедините длинный рядъ отдѣльно-вышедшихъ сочиненій по исторіи нашей письменности Срезневскаго, Буслаева, Тихонравова, Галахова, Пыпина, арх. Филарета, Афанасьева, Лонгинова, Пекарскаго, Ор. Миллера, Грота, Булича, Порфирьева, Веселовскаго, Попова, Некрасова, Хрущова, Жданова, Кирпичникова, Незеленова, Морозова и т. д. и т. д., присоедините памятники народнаго творчества, изданные Кирѣевскими, Рыбниковымъ, Безсоновымъ, Шейномъ, Далемъ, Гильфердингомъ, Антоновичемъ, Драгомановымъ и т. д., присоедините въ заключеніе широкое развитіе, которое за послѣдніе 30 лѣтъ получила у насъ библіографія, съ одной стороны обогатившая нашу литературу такими превосходными изданіями, какъ редактированныя Я. К. Гротомъ сочиненія Державина и редактированныя П. А. Ефремовымъ сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Кантемира, а съ другой создавшая такія замѣчательныя по своей полнотѣ пособія, какъ каталоги, указатели и всякіе иные перечни гг. Ламбиныхъ, Межова, Неустроева, Ген-

нади, Губерти и т. д., пособій, дающихъ изслѣдователю возможность воспользоваться нашимъ исторіографическимъ богатствомъ во всей его полнотѣ, такъ вотъ если все это, хотѣли мы сказать, принять въ соображеніе то нельзя будетъ не придти къ тому заключенію, что изученіе русской литературы поставлено теперь въ несравненно лучшія условія, чѣмъ прежде, уже не говоря о томъ, что установившееся въ соотвѣтственныхъ сферахъ большое уваженіе къ наукѣ открыло русскимъ ученымъ доступъ къ такимъ архивамъ и документамъ, которые прежде были для нихъ совершенно недоступными и совершенно пропадали для историческаго изслѣдованія. И, конечно, этими лучшими условіями, въ которыя теперь поставлена русская историческая наука вообще и наука изученія русской литературы въ частности и надо объяснить, почему такъ быстро растетъ число изслѣдователей и изслѣдованій по исторіи нашей письменности, почему много прежде темныхъ пунктовъ въ ней разъяснено и въ истинномъ свѣтѣ представлено, почему многія державшіяся недостаткомъ фактовъ теоріи рушились и напротивъ того возникли новыя, стоящія на почвѣ вновь добытыхъ свѣдѣній и указаній.

Но какъ ни велико, однакоже, только что очерченное историко-литературное богатство, въ немъ нетрудно открыть, при болѣе подробномъ классифицированіи, одинъ весьма существенный пробѣлъ, очень ощутительный какъ для спеціалистовъ, такъ еще въ большей степени для обыкновеннаго читателя, которому по тому или другому случаю надо пополнить свои историко-литературныя познанія. Мы говоримъ о крайнемъ недостаткѣ въ сочиненіяхъ *обобщающихъ* и *сводящихъ* отдѣльные факты исторіи нашей письменности. Присматриваясь къ огромному количеству статей и отдѣльныхъ книгъ по исторіи русской литературы, появившихся за послѣднія десятилѣтія, нельзя тотчасъ-же не замѣтить, что всѣ онѣ въ подавляющемъ числѣ случаевъ могутъ быть распределены по двумъ группамъ: 1) *Сырые матеріалы* -- письма, дневники, записки, воспоминанія,

документы, акты и т. д. и 2) *Монографіи* объ отдѣльныхъ лицахъ или отдѣльныхъ литературныхъ явленіяхъ. Такихъ-же сочиненій, которыя давали-бы одну общую картину всего хода нашей литературы или хотя-бы литературнаго движенія одной какой-нибудь эпохи, такихъ сочиненій, которыя избавляли-бы отъ необходимости рыться въ десяткахъ отдѣльныхъ статей и изслѣдованій, такихъ книгъ у насъ почти-что нѣтъ.

Начать напр. съ того, что у насъ нѣтъ ни одной *полной* исторіи русской литературы. «Исторія русской словесности древней и новой» г. Галахова, конечно, сочиненіе въ высшей степени почтенное, въ особенности въ тѣхъ частяхъ своихъ, гдѣ разсматриваются литературныя явленія XVIII вѣка. Но г. Галаховъ заканчиваетъ свое разсмотрѣніе первою четвертью нашего столѣтія, не касаясь ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя, ни великой плеяды писателей сороковыхъ годовъ, т. е. опускаетъ занавѣсъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается скучная прелюдія и начинается полная захватывающаго интереса пьеса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на сцену выступаютъ тѣ великіе дѣятели русскаго слова, которые, отразивши творческій геній русскаго народа во всей его шири и глубинѣ, создали великую европейскую литературу, занявшую почетное мѣсто въ ряду литературъ заматерѣлыхъ въ культурной жизни народовъ, литературу, въ послѣднемъ фазисѣ ея развитія ставшую уже даже не рядомъ, а во главѣ другихъ европейскихъ литературъ, вызывая восторженное подражаніе и безграничное удивленіе въ тѣхъ самыхъ европейцахъ, у которыхъ еще сравнительно недавно мы такъ рабски заимствовали и литературныя идеи, и литературную форму и даже слогъ.

И вотъ весь этотъ, если можно такъ выразиться, «настоящій» періодъ русской литературы, который по количеству обнимаемыхъ имъ лѣтъ, конечно, не великъ въ сравненіи съ 800 лѣтъ существованія русской письменности, но по качеству, по процентному содержанію настоящаго литературнаго золота, рав-

няется доброй половиной всего нашего книжного богатства, весь этот период совершенно игнорируется у г. Галахова.

Еще почтеннее истории г. Галахова «История русской словесности» превосходного знатока древней русской письменности нашей—пр. Порфирьева. Но книга его в 16 лет успела дойти только до Екатерины II и на чем она остановится—неизвестно, хотя господствующий в среде специалистов взгляд, что серьезная история не может касаться событий, сколько-нибудь свежих и животрепещущих, очень может быть побудить пр. Порфирьева поставить точку там, где обыкновенно обрывается университетское преподавание, т. е. на Жуковском, Гнѣдичѣ, Батюшковѣ.

Какъ-бы там, впрочем, ни было, къ числу *полныхъ* историй нашей литературы неоконченная книга пр. Порфирьева, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время причислена быть не можетъ.

Нѣтъ надобности много распространяться почему мы также не можемъ назвать полнымъ сводомъ классическій «Обзоръ духовной литературы» архіеп. Филарета.

А назвавши «Обзоръ» Филарета и Историю гг. Галахова и Порфирьева, мы назвали *всѣ* имѣющіеся у насъ научные своды общаго хода истории нашей письменности. Остальные немалочисленные «курсы» истории русской литературы, между которыми есть такія почтенныя книги, какъ учебники гг. Полевого, Караулова, Водовозова, Стюнина преслѣдуютъ цѣли исключительно педагогическія и уже по самому характеру своему и объему, приспособленнымъ къ требованіямъ преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, къ категоріи научныхъ сводовъ причислены быть не могутъ.

Если мы отъ сочиненій, обнимающихъ весь ходъ русской литературы, перейдемъ къ сочиненіямъ, обзрѣвающимъ какую-нибудь отдѣльную эпоху, наша жатва будетъ небогаче. Правда, можно указать на классическую книгу Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ», на «Характеристики литературныхъ

мнѣній 1820—1850 гг.», А. Н. Пыпина, на «Очерки умственнаго движенія русскаго общества» А. М. Скабичевскаго, на «Очерки гоголевскаго періода» на «Русскіе писатели послѣ Гоголя» Ор. Θ. Миллера. Но всѣ эти сочиненія, какъ ни превосходно выполнены нѣкоторыя изъ нихъ, трудно назвать сколько-нибудь полными сводами, потому что-кромѣ книги Пекарскаго, они совсѣмъ и не задаются даже цѣлью представить настоящую прагматическую исторію избранной эпохи, не сообщаютъ ни біографическихъ свѣдѣній, ни полнаго обзора литературной дѣятельности разсматриваемыхъ писателей, а касаются только той или другой стороны ея. Что-же касается книги Пекарскаго, то посвященная на половину удивительно-полному бібліографическому описанію книгъ Петровской эпохи, она характеристикъ писателей того времени и біографическихъ о нихъ свѣдѣній совсѣмъ не даетъ.

И если, наконецъ, отъ сочиненій, обнимающихъ одинъ какой-нибудь періодъ, мы перейдемъ къ самому дробному изъ видовъ сводныхъ сочиненій—къ сочиненіямъ, разсматривающимъ совокупность литературной дѣятельности одного только писателя, то и здѣсь насъ на первыхъ-же порахъ поразитъ крайне несоотвѣтствіе огромнаго количества сырыхъ матеріаловъ и ничтожнаго количества, а иногда, и полнаго отсутствія сколько-нибудь сводныхъ работъ. Еще древній періодъ не очень обѣденъ сводными работами объ отдѣльныхъ писателяхъ и въ особенности послѣдніе годы духовные журналы обильны монографіями о дѣятеляхъ до-петровскаго пресвѣщенія. Много также сдѣлано относительно сведенія въ одно данныхъ о писателяхъ XVIII вѣка. Но за то какъ мало сводныхъ работъ о писателяхъ послѣднихъ 50, 60 лѣтъ. Сколько, напр., *сочень* замѣтокъ, воспоминаній, бібліографическихъ указаній о великихъ писателяхъ нашихъ помѣщаютъ историческіе журналы, и сколько, съ другой стороны, превосходныхъ критическихъ статей объ отдѣльныхъ произведеніяхъ ихъ разсѣяно по сочиненіямъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Григорьева, Писарева, Дру-

жинина и др. и рядомъ съ этимъ какая поразительная бѣдность въ книгахъ или статьяхъ, которыя свели-бы все это въ одну общую картину или просто дали-бы сводъ всѣхъ добытыхъ свѣдѣній. Стыдно сказать, но вѣдь у насъ нѣтъ ни одной книги, которая давала-бы полный обзоръ жизни и литературной дѣятельности Гоголя, нѣтъ такой книги о Лермонтовѣ, Грибоѣдовѣ, нѣтъ даже, если не считать неоконченной попытки г-на Незеленова, такой критико-біографической книги о Пушкинѣ, этомъ краеугольномъ камнѣ всей нашей «настоящей литературы».

Намъ остается сказать теперь, чтобы окончить нашъ обзоръ сводныхъ сочиненій по исторіи русской литературы, нѣсколько словъ о трехъ книгахъ, въ извѣстныхъ частяхъ своихъ приближающихся къ предпринятому нами труду, именно о «Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви» митрополита Евгенія, о его-же «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» и о «Справочномъ Словарѣ о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ» Геннади. Всякому сколько-нибудь занимавшемуся изученіемъ нашей литературы хорошо извѣстны эти три книги и навѣрное нѣтъ ни одного русскаго «словесника», у котораго онѣ не лежали-бы на столѣ въ числѣ необходимыхъ пособій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждому-же «словеснику», конечно, извѣстно, что названныя три книги далеко не восполняютъ того пробѣла, на который мы указываемъ. Что касается словаря Геннади, то онъ во первыхъ, какъ и изъ заглавія его уже видно, чисто справочный: 18 строкъ объ Аксаковѣ, 40 строкъ о Бѣлинскомъ и максимумъ вниманія—1¹/₂ страницы, посвященныхъ жизнеописанію Ломоносова. Такая краткость не можетъ, конечно, избавить отъ необходимости обращаться за данными о томъ или другомъ писателѣ къ болѣе обстоятельнымъ пособіямъ. А затѣмъ, оставляя даже въ сторонѣ то, что словарь Геннади неоконченъ и притомъ неоконченъ безнадежно, такъ какъ составитель его умеръ, онъ очень

неполовъ по самой задачѣ своей. Начать съ того, что Геннади отмѣчаетъ только умершихъ писателей прошлаго и настоящаго столѣтія и не касается, слѣдовательно, ни писателей до-петровской Руси, ни писателей, бывшихъ въ живыхъ въ 1876 г., когда появился словарь, т. е. почти всей новѣйшей литературы. Трудно тутъ найти точную математическую формулировку, но примѣрно можно сказать, что въ тѣхъ предѣлахъ, которые себѣ поставилъ Геннади, онъ, даже окончивши свой словарь, едва-ли могъ-бы объять больше $\frac{1}{4}$ и много, много $\frac{1}{3}$ всего числа русскихъ писателей. А въ неоконченномъ видѣ словарь Геннади, слѣдовательно, захватываетъ еще гораздо меньшее число русскихъ писателей.

Не чета исключительно компилятивному, справочному указателю Геннади классическіе въ свое время два словаря митрополита Евгенія. По совершенно справедливому замѣчанію Погодина, «кіевскій митрополитъ Евгеній сочиненіемъ двухъ словарей своихъ—писателей русскихъ духовнаго чина и свѣтскихъ, положилъ твердое основаніе исторіи русской и словено-русской словесности и вмѣстѣ открылъ предъ очами ученаго міра безчисленное множество ея сокровищъ, дотолѣ совершенно неизвѣстное».

Чтобы понять этотъ отзывъ надо вспомнить, что въ эпоху составленія Евгеніевскихъ словарей небыло еще *ни одной* исторіи русской литературы, не было еще даже тощаго «Опыта» Греча, впервые давашаго общую картину хода нашей письменности. Вотъ почему въ свое время словари Евгенія для исторіи русской литературы имѣли почти тоже значеніе, что исторія Карамзина для общей исторіи нашей. Какъ изъ книги Карамзина очень многіе впервые узнали, что и у насъ есть своя заправская исторія, такъ и изъ словарей Евгенія не мало таки людей съ удивленіемъ увидѣли, что русская литература явленіе совсѣмъ не такое маловажное. А что касается словаря духовныхъ писателей, то онъ явился важнымъ откровеніемъ даже для людей, знакомыхъ съ ходомъ русской образованности: какъ

известно, митрополитъ Евгеній былъ замѣчательный знатокъ допетровской рукописной и старопечатной литературы и давши въ своемъ словарѣ сводъ этой обширной литературы, онъ такимъ образомъ впервые подвелъ итоги умственного богатства древняго періода нашей гражданственности.

Но съ тѣхъ поръ какъ митрополитъ Евгеній сдѣлалъ свой поистинѣ безцѣнный вкладъ въ изученіе русской письменности прошло очень много времени. «Словарь свѣтскихъ писателей» законченъ въ 1812 году, «Словарь духовн. писателей» изданъ въ первый разъ въ 1818 г., во второй—въ 1827. Много очень много съ тѣхъ поръ произошло перемѣнъ въ области русскаго слова и его изученія и притомъ не только потому, что за эти 60—70 лѣтъ народилась цѣлая огромная литература, и качествомъ, и количествомъ нѣсколько разъ превосходящая литературу предшествующихъ ей періодовъ, но и потому еще, что развитіе русской исторіографіи и въ древнемъ-же періодѣ нашей письменности открыло цѣлый рядъ писателей, во времена Евгенія неизвѣстныхъ; кромѣ того значительно пополнился запасъ свѣдѣній о писателяхъ, у митрополита отмѣченныхъ. Есть затѣмъ цѣлая область—литература раскола, которой совсѣмъ не коснулся Евгеній, но которой удѣляетъ очень много вниманія исторіографія современная.

И вотъ почему классическіе для своего времени словари ученаго митрополита въ настоящее время крайне устарѣли и неполны. Ими можно и должно пользоваться, потому что при составленіи ихъ митрополитъ очень часто пользовался рукописными матеріалами и слѣдовательно въ этихъ своихъ частяхъ словари Евгенія являются первоисточниками, но въ общемъ все-таки они современнаго изслѣдователя не могутъ снабдить всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя ему нужны. Не забудемъ въ заключеніе, что словари Евгенія, какъ и всѣ впрочемъ даже иностранные словари этого рода, исключительно «историческіе», т. е. біографическіе и бібліографическіе. Литературной характеристики писателя они не даютъ.

Такимъ образомъ, резюмируя все сказанное на предъидущихъ страницахъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: въ современной русской исторіографіи нѣтъ такого свода фактовъ исторіи русской литературы, нѣтъ такой книги, запасшись которою изслѣдователь или обыкновенный читатель былъ-бы увѣренъ, что найдетъ въ ней свѣдѣнія о писателяхъ *всѣхъ* періодовъ русской образованности, нашихъ дней не исключая.

Цѣль предпринятаго нами труда выполнить этотъ пробѣлъ. Какъ мы справились съ взятою на себя задачею, судить конечно, не намъ. Но самый фактъ существованія потребности въ сводѣ критико-біографическихъ и историко-литературныхъ свѣдѣній объ отдѣльных писателяхъ, въ совокупности своей составляющихъ русскую литературу, едва-ли можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію.

Въ заключеніе отмѣтимъ нѣкоторыя детали задуманнаго нами труда.

Что касается лицъ, на которыхъ мы останавливаемся, то мы были по возможности менѣе строги въ выборѣ ихъ. Въ такомъ объемистомъ сочиненіи, какимъ является настоящій словарь, литературный аристократизмъ былъ-бы, кажется, неумѣстенъ. Мы заносимъ всякаго, кто хоть немного поработалъ на пользу роднаго просвѣщенія. И чѣмъ отдаленнѣе эпоха, тѣмъ, конечно, мы менѣе разборчивы. Относительно напр. эпохи домонгольской, когда по справедливому замѣчанію пр. Голубинскаго, у насъ небыло собственно образованности, а была простая грамотность, относительно этой отдаленной эпохи мѣста для разборчивости не можетъ быть совсѣмъ. Въ литературѣ XI вѣка Лука Жидята составляетъ первостепенную величину, а написалъ онъ одно «поученіе» величиною въ 40 строкъ. Не можетъ быть также мѣста разборчивости относительно всей вообще допетровской литературы. Если изслѣдованія послѣдняго

полустолѣтія и показали съ несомнѣнною ясностью, что древняя Русь въ умственномъ отношеніи совсѣмъ не такая *tabula rasa*, какъ думали прежде, что была у нея своя совсѣмъ не ничтожная образованность, что совершалась въ ней живая смѣна разныхъ литературныхъ теченій и направленій и шла вообще дѣятельная работа мысли, то въ общемъ, все-таки, число лицъ сколько нибуь причастныхъ дѣлу просвѣщенія было на столько невелико, что пропускъ какого-нибудь Александра-дьяка, на двухъ страницахъ описавшаго свое путешествіе въ Царьградъ, совершенное около 1390 г., или пропускъ Аврамія Суздальскаго, на 8 страницахъ рассказавшаго, какъ онъ «въ фряжской землѣ, во градѣ, зовомомъ Флорензѣ» видѣлъ въ 1437 г. «дивно и страшно видѣніе, пречюдно и не сказано» т. е. мистерію, или изъ писателей XVII вѣка пропускъ патріарха Адріана, сочинившаго нѣсколько окружныхъ посланій, — пропускъ всѣхъ этихъ, весьма малыхъ самихъ по себѣ, литературныхъ величинъ, былъ-бы въ силу вышесказаннаго непозволительнымъ промахомъ.

Петровскія реформы и данный ими толчекъ настолько подвинули дѣло русской образованности и настолько увеличили число русскихъ писателей, что въ литературѣ XVIII вѣка какой-нибудь Александръ-дьякъ уже не можетъ, конечно, занимать такое мѣсто, которое онъ занималъ въ литературѣ XV столѣтія. Но если все-таки принять во вниманіе, что отличающійся необыкновенною полнотою «Опытъ Россійской Библіографіи» Сопикова, такую полнотою, что въ немъ отмѣчается всякая ода, отдѣльно отпечатанная на четвертушкѣ, всякая проповѣдь, занимающая 5, 6 страницъ, такъ вотъ говоримъ мы, если принять во вниманіе, что этотъ необыкновенно полный каталогъ, остаивающійся на 1821 году и захватывающій слѣдовательно около 110 лѣтъ существованія русской гражданской печати, содержитъ въ себѣ около 11,000 №№, т. е. выводитъ для XVIII и начала XIX столѣтія среднюю продуктивность въ 110 книгъ ежегодно и если, затѣмъ, принять во вниманіе, что помимо огромнаго количества учено-литератур-

наго матеріала, заключающагося въ 600 нынѣ выходящихъ русскихъ періодическихъ изданій, современная русская книжная торговля выпускаетъ въ обращеніе около 3000 книгъ ежегодно, да такъ если эти данныя имѣть въ своемъ распоряженіи, то всякій, вѣроятно, согласится съ нами, что если гдѣ-нибудь нужна разборчивость, то только по мѣрѣ приближенія къ нашимъ днямъ. Относительно-же XVIII вѣка мы опять таки не имѣемъ еще права быть разборчивыми. 110 книгъ въ годъ, изъ которыхъ три четверти переводныхъ, — эта цифра несомнѣнно указываетъ, что въ XVIII столѣтіи писатели были явленіемъ чрезвычайно исключительнымъ и потому обязанность отмѣтить ихъ со всеисчерпывающею полнотою составляетъ несомнѣнную задачу всякаго сколько-нибудь подробнаго и обстоятельнаго историко-литературнаго труда.

А относительно послѣдняго полустолѣтія, когда литературная продуктивность быстро начала расти въ чисто геометрической прогрессіи, когда параллельно увеличенію числа хорошихъ писателей родился цѣлый полкъ безграмотныхъ и полуграмотныхъ сочинителей разнаго вздора, исходящаго изъ Никольскаго рынка въ Москвѣ и когда съ чрезвычайнымъ развитіемъ періодической печати всякому сколько-нибудь грамотному человеку была дана легкая возможность напечатать гдѣ-нибудь замѣтку, статейку, фельетонъ, стихотвореніе, рассказецъ, относительно этого послѣдняго фазиса нашей письменности, конечно, приходится быть разборчивымъ, потому что иначе желаніе отмѣчать *всякаго*, предавшаго что-нибудь тисненію, превратитъ сводъ литературы въ сводъ макулатуры.

Но, всетаки, повторяемъ еще разъ, мы очень не строги въ выборѣ отмѣчаемыхъ лицъ, находя, что для такого объема труда, какъ настоящій словарь, нужна большая подробность и обстоятельность. Къ этому насъ побуждаетъ еще то соображеніе, что вѣдь о большомъ литературномъ человекѣ всюду и легко можно справиться, а для того, чтобы узнать что-нибудь о маленькомъ человекѣ часто нужны самыя кропотливыя усилія.

Что-же касается источниковъ, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго словаря, то они распредѣляются на три категоріи: 1) *печатные*, 2) *архивные*, къ которымъ мы прибѣгали не только тогда, когда дѣло шло о полученіи совсѣмъ новыхъ свѣдѣній, но и для того, чтобы провѣрить уже имѣющіяся въ печати данныя, почему-либо казавшіяся намъ неточными и 3) *автобіографическіе*. Мы разослали и продолжаемъ разсылать современнымъ писателямъ и ученымъ циркуляры съ просьбою сообщать свѣдѣнія о себѣ и въ отвѣтъ получили значительное число автобіографическихъ записокъ, за сообщеніе которыхъ приносимъ всѣмъ приславшимъ ихъ нашу глубочайшую благодарность *).

С.-Петербургъ,
4-го Сентября 1886 г.

*) Съ такою-же благодарностью будутъ нами приниматься всякія указанія на сдѣланные въ словарѣ пропуски или неточности. Поправки этого рода, съ упоминаніемъ лицъ ихъ приславшихъ, будутъ номѣщаться въ дополненіяхъ къ отдѣльнымъ томамъ словаря. Присылать поправки просимъ по адресу автора, который обозначенъ на обложкѣ каждаго выпуска.

Очень также былибы мы благодарны, еслибы современные авторы присылали намъ списки псевдонимовъ, подъ которыми имъ приходилось писать. Объясненіе псевдонима занимаетъ такъ мало мѣста, что мы съ охотою номѣстимъ всякій присланный намъ псевдонимъ, хотя-бы онъ стоялъ подъ статьею самаго мимолетнаго содержанія.